

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

**Дмитрий
Бронников**

**Абстрактные дали
познания**

Дмитрий Леонидович Бронников

Абстрактные дали

познания. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28060153

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник рассказов. Тут и мистика, и юмор, и фантастика, психология, непознанное, и много еще чего. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Бронников

АБСТРАКТНЫЕ ДАЛИ ПОЗНАНИЯ

ПЕЧАТЬ СМЕРТИ

– Гибнут не все.

Санек пошевелил прутиком угли. Чуть вспыхнув, они почти сразу же приняли прежнее едва тлеющее состояние. Он улыбнулся, настраиваясь на оптимистический образ мыслей.

-Только те, на ком лежит печать смерти.

– Это кто ж эту печать ставит, – Седой недоверчиво ухмыльнулся. – Бог что ли?

– Не знаю, – пожал плечами Санек, – судьба, может быть.

– Судьба, – ехидно обнажил зубы Лешка. – Что ж она тебя на войну загнала?

Санек вновь пошевелил угли. Стоявшая на них открытая банка тушенки зашипела, пузырясь и вскипая растаявшим жиром. Он поежился, осень, холодно.

– А черт его знает, зачем она меня загнала сюда. Может затем, чтобы сидел сейчас, шевелил угли, мерз и вам балбесам, все это говорил.

Седой воткнул в землю нож, лезвие почти полностью вошло в землю, было заметно, что разговор его нервирует. Пустая болтовня, приправленная мистикой и надеждой на конечный благоприятный исход, что по непонятным причинам раздражало еще больше.

– Сержант, – дабы отвлечься, окликнул он замком взвода, – когда выступаем?

– Скоро, в течении часа, – ответил сержант и направился к штабной палатке.

Седой вытащил из земли нож, вытер его о тряпку и сказал:

– И что, значит на ком-то из нас уже лежит эта печать смерти, а мы сидим себе и не подозреваем, что часа через два кранты настанут. И все для кого-то уже предопределено и ничего, хоть ты на голову встань, не изменишь.

– Возможно, – ответил Санек. – Возможно, что на всех нас лежит печать смерти, а может ни на ком.

– Так получается, что еще в военкомате было известно, кто из нас отсюда не вернется, – вмешался в разговор ушастый.

– Ну да. Но я бы сказал по-другому, – Санек взял у Седого нож и поковырял им мясо, дробя его на мелкие кусочки. – Сюда кто-то из нас попал именно потому, что на нем лежит печать смерти. Другие поехали в стройбат, морфлот или РВСН.

– Сам же сказал, не все гибнут, – попытался подловить его на слове Лешка. – А по твоим словам выходит, что сюда попадают только те, на ком лежит печать смерти.

– Не, не на всех попавших сюда лежит печать. Многие попали сюда случайно, как говорится, мимо проходили, – неуклюже пошутил Санек. – Статисты. Надо же чтоб кто-то воевал. Рожа военкому не понравилась, здоровьем и происхождением удался. Впрочем, возможно кто-то и не случайно, просто он здесь понять что-то должен, такое, что повлияет на дальнейшую жизнь. Судьба его сюда загнала, но не для того, чтобы сдохнуть, а наоборот, чтобы жить и знать, и этим знанием жизнь свою строить.

– И как узнать, лежит на тебе печать или ты просто мимо пробежал? – видно было, что ушастый заинтересовался

затронутой темой.

– А никак. Когда домой поедешь, тогда и узнаешь.

Санек натянул рукава камуфляжа на кисти рук и снял шипящую банку с углей. Молодые люди приступили к трапезе.

– Вот смотрите, -пережевывая чуть подсохший хлеб, вернулся к теме Санек. – Известный факт, ученые даже его изучали. Самое большое число опоздавших и сдавших билеты было на авиарейсы, в которых самолет терпел катастрофу.

– Я слышал об этом, – подтвердил Лешка. – Причем без видимых причин.

– Во, а почему? А потому что рано еще было им умирать. Они еще не сделали в жизни того, что должны были сделать.

– А как они чувствуют, что нельзя на этом самолете лететь? – с недоверием спросил Седой.

– А никак. Кто-то проспал, кто-то в пробку попал.

– А кто-то на нее наступил, – весело поддакнул Ушастый.

– А у кого-то появились обстоятельства, из-за которых он

не может лететь. Причем, все может серьезно выглядеть до тех пор, пока ты не узнал о катастрофе. Родственник умер, допустим, поэтому ты не полетел. По-первости для тебя это трагедия, а когда узнаешь о катастрофе, мнение меняется, мягко сказать. Может и по-другому быть. Ехал в аэропорт и попал в аварию, увезли тебя в реанимацию. Друзья тебя жалеют, еще больше жалеешь ты себя. Всю жизнь мечтал попасть на чемпионат мира по футболу, деньги копил... А тут... Невезуха, короче говоря. Друзья тебе сочувствуют, и с этим сочувствием садятся в самолет...

Санек достал сигарету, прикурил от углей.

— Но в этом случае все очевидно, а бывает так, что человек и сам не знает, и никогда не узнает, от чего спасла его авария. Пошел за хлебом, триста метров до магазина оставалось, и вдруг тебя сбивает машина. Лежишь в больнице и думаешь, что называется сходил за хлебушком, невезучий в доску, и даже не подозреваешь, что сверни ты за ближайший угол, тебе бы на голову упал кирпич с крыши дома. И реанимацией в этом случае ты бы уже не отделался. Или, допустим, пройди ты двадцать метров, и встретился бы со своим заклятым врагом, пребывающем особо не в духе. И нож острый у него в кармане. А ты не знаешь этого и никогда не узнаешь, и будешь всю жизнь считать себя невезучим.

– А что ж так грубо, в реанимации лежать тоже удовольствие не из приятных, – с усмешкой сказал Седой.

– Лучше чем в морге. Вероятно ничто другое в той ситуации тебя остановить не могло. Если ты заядлый болельщик, четыре года копил деньги на поездку на чемпионат мира, а родственникам твоим умирать еще рано, то вряд ли что всерьез могло тебе помешать. И будильник ты поставил на несколько часов раньше и, чтоб в пробку не попасть, на метро поехал. Ну судьба и не нашла ничего другого, как вот так остановить. Пусть уж лучше отморозок на авто переломает, чем в воздухе взлетишь на воздух без вариантов.

– А те сто с лишним человек, что полетели. Это что ж, на всех них лежала печать смерти? Фигня какая-то, так много и в одном месте, – не унимался Седой.

– Кто его знает, может просто их всех судьба вела к этому полету, как многих из нас сюда. Хотя я допускаю, что кто-то был лишним, случайным пассажиром. Но это скорее в том случае, если человек уже выполнил свое земное предназначение и по большому счету без разницы, когда он помрет.

– Ну понеслось, – уже откровенно издевательским тоном сказал Седой, – земное предназначение... Астрал, метафизика и колхоз имени товарища Крупского...

п— Это уже другая тема и я не собираюсь ее развивать. Да и не объяснишь в двух словах. Бывает, что человек только своим появлением на свет выполняет предназначение, повлияв своим рождением на кого-то, подтолкнув к чему-то...

Санек взял пустую банку и откинул ее в кусты. Пролетев несколько метров, она со звоном опустилась на землю. Седой проводил ее взглядом и сказал:

— И кирпичи сами по себе с крыши не падают.

— Мало ли. Никогда не было и вдруг упало. А все потому, что надо было так, судьба.

— Что, у кирпича тоже судьба? — уже с нескрываемой издевкой сказал Седой.

— Кирпич — метафора, а вот у того, кто выполняет роль кирпича, у того судьба. Вот она и свела обоих вместе. Одного потому что над ним повисла печать смерти, а другой...

— Эй, мужики, через десять минут выступаем...

Солдаты обернулись на голос. Сержант стоял возле палатки, лениво почесывая затылок. Годы службы выработа-

ли привычку спокойно относиться даже к спецоперациям. В сим факте и его расслабленной позе чувствовалась даже некая инфантильность, будто собирался за яблоками в сад соседа, дело привычное и слегка поднадоевшее.

– Вот и поговорили, – Санек махнул рукой, – ладно, потом договорим. Пойду опорожнюсь, а то фиг его знает, как там будет.

Санек поднялся и направился к ближайшим кустам. По-дошел к ним, остановился и осмотрелся. Ему показалось, что пахнет чем-то крайне неприятным. Так обычно пахнет разлагающаяся плоть. Откуда происходил запах, было не понятно. Впрочем, может только показалось, чему тут пахнуть. Ну разве что солдатскому дерьму. Но тем не менее подумал, так, наверно, должна пахнуть смерть. Чернила, которыми ставят оттиск печати. Нет, не запахом дерьма, а именно вот этим непонятным и крайне до раздражения неприятным.

Санек брезгливо сплюнул и решил опорожниться в другом месте. Кустов по близости больше не было, зато метрах в пятидесяти находились остатки стены разрушенного дома. Все что осталось от магазинчика, в котором они отоваривались месяца три назад. Когда они вновь прибыли на это место, даже сразу как-то и не вспомнили, что некогда здесь был магазин. Постоянство давно исчезло из их жизни. Полтора

года все менялось, можно сказать, на глазах.

Никто никогда не ходил опоражниваться к стене. Причины сего факта были не известны, да никто и не задавался вопросом почему. Кусты были ближе, а в роте одни мужики, стесняться некого. Возможно, Санек был первым, кто решил опорожнить мочевой пузырь не за кустами.

Санек зашел за стену, растегнул ширинку и уставился на небо. Пасмурно, скоро выпадет первый снег. Дома-то поди уже лежит, день рождения через неделю, а в день рождения всегда лежал снег.

Санек поднатужился. Вырвалась теплая струя, легла на землю. Отдача была такой, что Санька чуть оторвало от земли и кинуло на стену. Небо, мутноватое, поплыло. Боль в груди. Что это? Бросило в пот, внутри все рвется. Эхо грома. Почему гром? Нет, это не гром и не странная отдача струи. Боль, тяжело дышать. Ранен, убит... Сходил пописать. Вот и конец. Печать смерти. Не хочу. Все плывет...

– Эй, Санек...

– Вроде жив...

– Скорее бинт...

Лица сослуживцев. Напрягшийся в непонимании случившегося Ушастый. Растерянный Лешка. Злобно скалящийся в сторону невидимого врага Седой.

– Вот, блин, и судьба...

Вроде Седой говорит. Голова кружится. Лица устроили пляску. Больно.

– Снайпер. Никто же никогда сюда ссать не ходил. Что он поперся-то?! Да и боевиков здесь отродясь не было, надо же. И ведь никто, кроме него поссать не пошел. Судьба. Печать смерти.

– Заткнись, Седой. Живым бы довести. Кровью истекает...

Дикая пляска в голове ускорилась, замельтешила, пропала. Чернота...

Издалека, сквозь пелену забвения до Санька донеслись голоса. Он открыл глаза. Белые стены, капельница, трубки в носу.

"Госпиталь, – понял Санек, – значит жив..."

Перед кроватью стоял заместитель командира роты.

– Очнулся... Неделю без сознания был. Еле успели довезти, думали все... А ты везунчик. Твой взвод в полном составе через два часа полег, в засаду попали, все до единого...

МИСТИКА ПРОШЛОГО

– Нами обнаружен самый древний в истории человечества на данный момент петроглиф, изображённую на стене пещеры пиктограмму, – начал своё выступление на международном форуме археологов известный профессор. – Самую древнюю пиктограмму и самую малопонятную. Если кратко, то мы находимся в большом затруднении в объяснении её сути, что она обозначает, какую законченную мысль в себе несёт? Она не похожа ни на одну из ранее обнаруженных пиктограмм со всех уголков планеты. Мы даже толком не можем определить, то ли это замысловатые рисунок, то ли иероглиф, или какое-то ещё воплощение фантазии древнего человека. Пиктограмма занимает небольшой участок на стене пещеры, представляет собой, видимо, законченную мысль и находится в единственном экземпляре на всей протяженности тоннелей данного пещерного комплекса. Что хотел нам поведать древний предок, какие свои мысли, переживания и фантазии хотел увековечить? Загадка. Загадка, с

просьбой помочь разгадать которую мы обращаемся ко всему мировому научному сообществу. Полагаю, даже уверен в том, что расшифровка данного древнего наскального творчества даст богатую пищу для размышлений в понимании жизни, менталитета и уровня развития древнего человека. Возможно, что это будет прорывом, выходом на новый уровень археологической и исторической наук в понимании мистики прошлого, чего боялся и на что надеялся древний человек. А в целом, и в понимании самих себя, с нашим накопленным опытом, но без оглядки на современность...

Странная пиктограмма вызвала огромный интерес в научной среде. Множество как отдельных представителей науки, так и целых групп приняли участие в ее расшифровке. Множество научных трудов было создано по результатам работы, множество версий, даже фантастических, было выдвинуто, множество докладов произнесено с научных трибун, и даже была получена одна Нобелевская премия. Но... но и по прошествии нескольких лет смысл послания древнего человека так и оставался неразрешимой загадкой. Пиктограмму мировому научному сообществу так и не удалось расшифровать. Мистика прошлого...

* * *

Древний человек не в первый раз задумывался над вопро-

сами как своего, так и существования всего окружающего. Почему и зачем звезды светят, солнце греет, день сменяется ночью, а лето зимой? Почему человек стареет и умирает? Почему есть хищники, а есть травоядные? Почему есть земная твердь, а есть реки и моря? Почему продолжается человеческий род? Зачем существует этот мир и кто его создал? Он был уверен, что все это неспроста, вряд ли могло возникнуть из ничего и существует само по себе, не неся собой какого-то смысла. Он часто засыпал и просыпался с этой мыслью. Она тревожила и не давала покоя ему, порой сводят с ума. Он не знал еще слова "мистика", но уже знал, что она для него обозначает. Он ходил еще совершенно голый и только-только начал обрабатывать камни и деревянные палки, как первые орудия труда и приспособления для охоты, но он уже поклонялся силам природы, которые обожествлял. Как только он научился думать о чем-то более сложном, чем удовлетворение необходимых ежедневных жизненных потребностей, он сразу пришел к выводу, что его жизнь наполнена мистикой. Он хотел поделиться своими размышлениями, хотел освободить мозг от разрывающих, вводящих порой в эйфорию, а порой в гнетущую тоску мыслей, но пока не знал, как это сделать.

Древний человек как-то попытался поделиться своими мыслями с сородичами с помощью тех немногих звуков и слов, которые были в его обиходе для общения с соплемен-

никами, но понял, что не может передать все свои переживания из-за нехватки слов, да и воплотить в слова свои мысли было для него чрезвычайно сложно, почти невозможно. Он был не понят соплеменниками и оставил свои попытки.

Однажды, греясь на солнышке возле входа в пещеру, он вдруг осознал одну непреложную истину, открытие которой стало следствием его мистических размышлений по поводу существования мира. Он вдруг осознал, что он – ЧЕЛОВЕК, разумный человек, он часть непонятного мира, но одновременно и сам представляет из себя целый отдельный мир. Мир загадочный и неповторимый. Не только окружающий мир загадочно мистичен, но и он сам не менее, а может даже более мистичен. Он существует в среде своих сородичей, неотделим от них, но личность его индивидуальна и присуща только ему одному. Он осознал свое Я. Разумное человеческое Я, награжденное разумом высшими силами в том числе для того, чтобы осознать это. Он разумное существо, со своими особенностями, способностями, недостатками, своими эмоциями и переживаниями.

Открытие настолько поразило древнего человека, что он во что бы то ни стало решил как-то выразить данную мысль, отобразить ее, выпустить на волю из ограниченного пространства мозга. Как он уже знал, соплеменниками он вряд ли будет понят, поэтому требовалось какое-то иное реше-

ние для исполнения задуманного. И тут ему в голову пришла оригинальная, ранее не посещавшая его мозг идея.

Древний человек углубился в пещеру, кромешная тьма, бесконечность тоннелей и гулкое эхо которой как ничто другое соответствовали его мистическому настроению, развел костёр, и в ярком свете отблесков огня набросал угольком на одной из стен свою мысль. Затем он с помощью твёрдых острых камней стал выдалбливать по контуру наброска окончательное решение своей мысли. Трудился он долго и кропотливо, пока изображение не приобрело окончательные формы. Пусть смысл и значение сего творения понятны лишь одному ему, но кто его знает, возможно, когда-нибудь найдутся другие люди, которыми он будет понят, которые последуют его примеру. Но пока что он был первопроходцем, сумевшим отобразить мысль вне пределов мозга... Ох, если бы он только знал, сколько будет последователей...

Если перевести изображённое древним человеком на современный, понятный нам язык, то данное творчество обозначало исторически неубиваемую истину, а именно – "ЗДЕСЬ БЫЛ ВАСЯ".

Вот такая она мистика прошлого равно как и настоящего, мистика разумного существа, осознавшего, что он является личностью по имени Вася, который вне всяких сомнений су-

ществовал и был здесь.

А учёные все ломали свои умные головы над расшифровкой послания древнего предка, получая за свои труды Нобелевские премии, научные степени и звания, выдвигая самые невероятные фантастические идеи и версии, в корне менявшими наши представления о древнем человеке.

Но Вася-то знал, что нет ничего более мистического и фантастического, чем существование самой личности по имени Вася, который **БЫЛ ЗДЕСЬ...**

ВЕЛИЧИЕ ПОЭТА

Аркадий приоткрыл глаза, его мутило. Он, кряхтя, с трудом поднялся и, пошатываясь, побрел к едва видневшемуся в темноте проему, что должен был по идее быть выходом из свинарника, но так как состояние мужчины было далеко от адекватного восприятия действительности, то и проем вполне мог оказаться чем-то другим, да и свинарник вовсе не свинарником. Под ногами скрипели половицы, чуть в стороне слышалась не спокойная возня.

Аркадий добрел до проема, вышел на улицу, глубоко вдохнул свежий воздух и опорожнился. Он взглянул на бескрайнее ночное небо, отдаленные миры яркими точками в

непроницаемой черной бездне манили ранимую, одухотворенную душу поэта, а по совместительству свинаря, в высокие таинственные дали непознанного. Аркадий вновь тяжело вздохнул и вернулся в помещение. Он нащупал тумблер и включил свет. Подопечные Аркадия отреагировали на потоки света лишь чуть более громкой возней и слабым повизгиванием. Все-таки свинарник...

– О как ты далек от меня древний Рим

Величье твое и в мраморе храмы

В веках отражаясь сияньем своим

Ты будишь во мне лишь личную драму...

Аркадий в очередной раз вздохнул, сколько уже раз на ум приходили подобные четверостишья. Не сказать, что мужчина был одержим древним Римом, просто его творческий порыв, как реакция на личную драму, в данный момент выбрал "Вечный город", но это вполне мог быть и Париж времен "Короля солнца", либо современный Нью-Йорк, а то и сам Вавилон. Но жестокая действительность была такова, что перед ним всегда открывались просторы свинарника.

В углу громко хрюкнула свинья, прервав размышления

несостоявшегося великого поэта.

– Цыц, плебеи, – с видимым раздражением в голосе прикрикнул Аркадий, – Цезарь идет.

Цезарь не цезарь, но что он достоин большего, Аркадий знал всегда. Нет, он не метил в великие завоеватели, гении науки и нобелевские лауреаты, просто, как считал мужчина, он был одарен поэтическим даром, большим даром, талантом, который в условиях плохо пахнущего свинарника реализовать не представлялось возможным.

Аркадий писал стихи, писал в стол. Пару раз он пытался донести их до окружающих, на вечере художественной самодеятельности и в районной малотиражке, но результатом стали не признание, уважение и почет, а лишь вечные насмешки председателя колхоза Бориса. Нет, он не затаил злобу, а, как и любая нереализованная творческая личность, лишь замкнулся в себе и стал злоупотреблять самогоном.

Аркадий добрел до небольшой каморки, размещавшейся в дальнем углу свинарника, с очередным тяжелым вздохом уселся на лежак, заваленный грязными тряпками и пошарил рукой под не менее грязной подушкой. Он извлек оттуда початую бутылку самогонки и засаленый стакан. Наполнил его наполовину, крякнул и залпом выпил.

– Ты одна, лишь одна, в моей жизни отрада

Грустных мыслей, тоски и души на разрыв

Замахну я стаканчик и душа уже рада

И уже я не свинарь, а в уме позитив.

И на душе действительно потеплело и мысли потекли уже в более благоприятном творческом направлении. Еще стаканчик и он несомненно разродится гениальной одой, а то и целой поэмой. И плевать ему на тупых колхозников, во главе с земляным червем Борькой.

Не теряя времени, Аркадий наполнил стакан, на этот раз целиком для пущего вдохновения. И только он его поднес ко рту, как вдруг сзади послышался чей-то голос:

– Ну, что нюни-то распустил, а еще великим поэтом хочешь быть.

Аркадий медленно повернул голову, ожидая по привычке увидеть все того же председателя, заставшего его за распитием спиртных напитков на рабочем месте, но к своему большому удивлению обнаружил перед собой странного ры-

жебородого, с мясистым носом незнакомого человека, одетого в белую древнеримскую тогу и такие же старинные сандалии на босу ногу. Не то что бы Аркадий был ошарашен или хотя бы удивлен, но некая несостыковка мыслей в его мозгах произошла. Откуда среди ночи в свинарнике появился артист из районного самодеятельного театрального кружка. На большее, по мнению Аркадия, данный персонаж не тянул, в нем, как ему казалось, было слишком много неестественного, напыщенного и вульгарного. Кому как не творческой личности отличить подделку от настоящего искусства, особенно после употребления вдохновлятора.

– Мелко плавааете, впрочем, как и все плебеи, настоящий я, можете потрогать. Хотя нет, у вас руки грязные.

– Кто вы? – спросил Аркадий и выпил для пущей коммуникабельности в общении с незнакомцем самогонку.

– О времена, о нравы, как опустилось общество, не узнают, не узнают великий талант, – со вздохом некоторого сожаления произнес незнакомец. – Убили, убили настоящее величие и талант, убили вместе со мной. Я так и знал, что с гибелью великого артиста, сгинет мир в условностях ширпотреба, погибло величие. Были, конечно, проблески в веках, Ванька Грозный, Еська Джугашвили, Адольфка, посягнувшие на величие, ну куда им. Недалеко от ширпотреба ушли

– стихов не писали, на сцене не играли...

При упоминании стихов Аркадий заметно ожил, незнакомец затронул болезненную тему.

– А вы пишете?

Незнакомец выдержал паузу и с саркастической усмешкой сказал:

– Вот, вот в чем ваша ошибка, не пишете, а творите. Это вы пишете, потому в свинарнике и работаете.

– Не, ну я как бы тоже творю, – попытался оправдаться Аркадий.

– Как бы тоже не творят, – уже с явной издевкой сказал незнакомец. – Как бы тоже в драмкружке забавляются. Для настоящего творения нужно величие и великое вдохновение.

– А где их взять-то, величие и великое вдохновение, вокруг меня лишь свинарник и свиньи, какое тут вдохновение, один навоз.

Аркадий наполнил еще один стакан, хотел было выпить, но передумал и протянул гостю. Незнакомец брезгливо взял

стакан в руку, морщась, понюхал, но выпил. Отдышался и немного погодя сказал:

– Ну да, немного помогает, но не то. К сему напитку для полного величия нужны поступки, хотя бы один поступок, но такой, чтобы ух...

Незнакомца сразу заметно развезло, его рука взвилась чуть в сторону и вверх на уровень головы, второй рукой в такт он стал жестикулировать и продекламировал:

– О Рим, великий, ты погряз в грехах

Грехи сожрали плоть великого творения

Теперь ты гибнешь на моих глазах

А я черпаю в этом вдохновение.

Незнакомца пошатнуло, он облокотился на стену, икнул и заплетающимся языком заключил:

– В общем, для настоящего величия нужен настоящий поступок, а с ним придет и настоящее вдохновение, и ты уже не писарь-стихоплет, ты великий творец...

В возбуждении Аркадий быстро наполнил очередной стакан и тут же залпом выпил. Когда он опустил стакан, незнакомца в каморке уже не было. Впрочем, свиная уже мало интересовало его мгновенное исчезновение, он был готов к величю...

Покурить Лайки Страйк, подымить сигаретой

Посмотреть на горящий костер

Ручкой сделать пассаж и в блокнот записать

Пока дремлет еще прокурор

Записать стих красивый про горящий сарай

Про свинойник добавить учтиво

Ну курятник, давай быстрее догорай

Гаражу оставь ты огнива

А идеи, какие идеи приходят

Рифма льется рекой на бумагу

Так родится поэма, грандиознее нет

В благодарность мою за отвагу

Я поэт, а не свинарь, – говорил я ему

Председателю нашему Боре

Ничего, теперь я ему покажу

Свой талант на колхозном просторе

Ох, не стоило мной помыкать

И терзать ранимую душу

Я поэт, а не свинарь, в кузькину мать

Вдохновенье в огне обнаружу

Дописал последнюю строчку в блокнот

Колокольный уж слышится звон

Возбуждён поступком моим весь народ

Я теперь не свинарь, а великий Нерон.

ФАЛМУТ

О Фалмуте Сашке рассказал его сосед по спальне в детском доме. Их койки стояли вплотную друг другу и они часто после отбоя подолгу в тишине шепотом переговаривались, делясь впечатлениями о прошедшем дне, о своей жизни до детского дома и о своих мечтах.

Главная мечта Сашки в ту пору ничем не отличалась от грёз большинства воспитанников, как и все он мечтал о маме, семье и доме. Его родная мать отказалась от него еще в роддоме, он это знал, благодаря словоохотливости одной из воспитательниц, но предпочитал говорить всем, что мама его умерла, со временем и сам уверовав в этом, и даже придумал историю своего собственного раннего детства, когда он жил с мамой в большой квартире и все у них было хорошо. Тем не менее, одновременно, он твердо был убеждён, что рано или поздно мама за ним придет и заберет домой – подобное несоответствие ему несколько не мешало, а другим детям и немногочисленным взрослым, интересовавшимся его жизнью, он пояснял, что мама умерла не насовсем, она превратилась в волшебную фею из сказочного королевства и как только сможет, то обязательно приедет и заберет его из детского дома.

Однажды, когда Сашке было восемь лет, его сосед по спальне Колька признался, что он совсем не ждет прихода своей мамы, поскольку знает, что она спилась, продала квартиру и где-то бомжует по стране, совершенно не вспоминая о нём.

– Ты не хочешь, чтобы она забрала тебя, – спросил Сашка.

– Нет. Бомжевать с ней? Ты бы сам хотел, чтобы у тебя была такая мама?..

Сашка пожал плечами, он и сам не знал, что лучше – иметь мать отказницу, несуществующую волшебную фею или алкашку, лишённую родительских прав. Она хотя бы не отказывалась от Кольки и, какая бы она ни была, существовал шанс, что она когда-нибудь одумается, бросить пить и заберет кольку из детдома. Но сам Колька не то что бы не верил в это, у него просто была другая главная мечта. Он верил в сказочное место, где все счастливы, где мамы не пьют, не умирают и не бросают детей. Где никто никогда не болеет, никто никого не обижает, там живут добрые люди в больших красочных домах – замках и все поголовно ездят на крутых машинах, таких же, на какой к ним в детдом приезжает Василий Петрович, один из Волшебников – спонсоров, дважды в год привозивший кучу подарков для детей. Место это на-

зывалось красивым непонятным словом Фалмут.

– Там у каждого-каждого ребенка есть своя мама и свой дом, – говорил Колька. – И у каждого есть собственный планшет, да и много чего еще.

– Ну да, прямо-таки у каждого ребенка свой собственный планшет, даже у детдомовского? – недоверчиво переспрашивал Сашка.

– У каждого. И смартфон свой есть, и крутая гоночная радиоуправляемая машина, почти как настоящая, – кивал, мечтательно закатив глаза, Колька. – А детдомовцев там нет, я же говорил, у всех есть мамы.

– А где этот твой фалмут находится?

– Это тайна, – после некоторого раздумья отвечал Колька. – Далеко, и не каждый найдет туда дорогу, трудно это. На пути разные Змеи Горынычи и Кощеи Бессмертные будут встречаться, только умные и смелые мальчики смогут победить их и найти дорогу. Но я обязательно найду.

Откуда Колька взял свой Фалмут, Сашка не знал, да и не спрашивал – настоящая сказка всегда должна иметь свою тайну. Но он сразу поверил в существование Фалмута, и да-

же наедине с самим собой представлял себе это место, как он тоже когда-нибудь сможет победить всех злых монстров и найдет дорогу в сказочный Фалмут. Еще он верил, что именно там должна жить его мама – волшебная фея, а где еще могут жить волшебницы как не в сказочной счастливой стране...

Колька стал часто сбегать из детского дома, его ловили и возвращали обратно. Сашке он говорил, что ищет дорогу в Фалмут. Сашка просил взять его с собой, но товарищ отказывал, объясняя, что тот еще не готов для трудного пути и страшных битв со злодеями. Однажды Колька заявил, что нашел дорогу и скоро окажется в Фалмуте. В тот же день он снова сбежал, но на этот раз с концами, больше в детский дом он не вернулся. И Сашка поверил, что Колька действительно попал в сказочный Фалмут.

Сашка немного грустил из-за того, что больше не было рядом товарища, с которым он мог поделиться сокровенным и помечтать в тишине спальни детского дома. Но одновременно он и радовался за друга, что тот оказался настойчивым и, несмотря на все трудности, все-таки нашел дорогу в Фалмут, и несомненно теперь счастлив, а может быть и встретил свою маму, которая бросила пить и тоже стала феей.

И вот тут у Сашки произошел сдвиг. Нет, он не сошел с

ума, не стал нелюдими, уйдя в самого себя, живя мечтами, не начал заговариваться, да и вообще не было никаких необычных проявлений в его поведении – Сашка решил во что бы то ни стало попасть в Фалмут, найти свою дорогу в сказочное место. Кольке же удалось. И раз мама – фея не может приехать к нему из Фалмута, то он сам поедет к ней. С этого момента Фалмут стал главной целью всей его жизни.

Со временем Сашка пришел к выводу, что лежа на кровати в Фалмут не попадешь. Надо было что-то предпринимать, искать, как Колька, пути. И однажды он сбежал из детского дома, впрочем, ненадолго. Сначала он подрался со шпаной из соседних домов, потом в гаражах, зализывать синяки и ссадины, познакомился с беспризорниками. Они быстро нашли общий язык между собой, беспризорники проявили сиротскую солидарность и как следует сделали, в отместку за Сашкины синяки, пацанов, обидевших его. В благодарность Сашка разоткровенничался и признался, что сбежал из детдома для того, чтобы найти дорогу в Фалмут. Беспризорники не знали ни о каком Фалмуте, но объяснили Сашки, в силу накопленного опыта уличной жизни, что в современном мире все дороги открывают деньги. Поэтому, если он когда-нибудь хочет попасть в свой Фалмут, то должен научиться их зарабатывать. Под вечер всю компанию замела полиция и Сашку вернулись в детский дом.

Прошло несколько лет. Сашка не пошел по протоптанной дороге многих детдомовцев, не увлекся спиртным и не потерялся в жизни. Наоборот, он окончил сначала техникум, потом институт, устроился на престижную работу, а затем и вовсе открыл свою фирму. Он научился зарабатывать деньги и фирма его со временем разрослась, бизнес оказался успешным.

Не сказать, что Сашка был уж очень талантливым предпринимателем, но им двигала мечта о Фалмуте, он целенаправленно и настойчиво шел к ней. Имея главной целью не богатство и успех, а мечту – однажды оказаться в сказочном Фалмуте. Деньги, как он уже знал, предоставляли возможность воплощения любой мечты, открывали любые дороги и двери. Он много трудился, много тратил сил, боролся с неудачами, преодолевал препятствия – зарабатывал деньги. И все это было лишь для одного – для формата.

Сашка давно уже понял, что нет никакой мамы – феи и что она не живет в Фалмуте. Тем не менее Фалмут не стал для него от этого менее привлекательным. Впрочем, чем он его, взрослого, не верящего в сказки, теперь привлекал, Сашка никогда бы не смог объяснить. Это не было для него каким-то божеством, на которое непрестанно молятся, не было идеи фикс, на которой он заиклился благодаря параноидальным играм разума, не было даже неким земным раем,

куда каждому человеку непременно хотелось попасть, поскольку он точно знал, что на Земле рая нет, чтобы там ни говорили. Он просто хотел оказаться в Фалмуте и увидеть собственными глазами сказочную мечту из детства. Он жил этой мечтой до сих пор, несмотря на многие жизненные разочарования, и верил, что рано или поздно мечта осуществится.

Уже давно в его силах было узнать, существует ли на земле в действительности место под названием Фалмут, но он специально не интересовался этим, возможно, чтобы не разрушить свою мечту, но и не только, в первую очередь он хотел подойти к встрече с мечтой во всеоружии, то есть добиться прежде всего того, чтобы перед ним открылись все дороги. Со временем, когда его бизнес уже стал достаточно успешным, он понял, что это не дороги перед ним теперь открылись, а что он давно уже нашел свой путь и идет уверенной поступью по направлению к Фалмуту уже много лет. Сашка стал очень богат, но все еще откладывал непосредственное знакомство с мечтой детства.

Однажды, уже будучи достаточно богатым, Сашка смог отыскать свою мать. Она оказалась совсем не алкоголичкой, в чем-то даже успешной женщиной, у нее была своя семья и другие дети. Встреча была короткой и, как виделось Сашке, не принесла никому радостных счастливых мгновений. Они с матерью немного поговорили, странно и даже с некоторым

недоразумением разглядывая друг друга. После чего расстались, возможно, уже навсегда, у каждого из них была своя жизнь и свои Фалмут. Сашка даже не поинтересовался, почему мама отказалась от него в роддоме. Ему это уже было неинтересно. Он не был на нее в обиде и не держал зла. На прощание он спросил:

– А ты была в Фалмуте?

Мать удивленно посмотрела на Сашку, пожала плечами и ответила:

– Нет. Что мне там делать...

Сашка глубоко вздохнул и вышел из кафе, в котором происходила встреча. Никаких впечатлений и ощущений встреча не оставила, даже разочарования. Возможно, потому, что где-то там его ждала другая встреча – встреча с Фалмутом. Сказочным местом, где все счастливы и у каждого есть своя мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.